

УДК 94(57)3

doi: 10.17072/2219-3111-2017-2-122-131

СОСТАВ И ФУНКЦИИ ВЛАСТНОЙ ЭЛИТЫ ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ

Д. Н. Маслюженко

Курганский государственный университет, 640020, Курган, ул. Советская, д.63, корп.4
denmas13@yandex.ru

В XV–начале XVII в. на юге Западной Сибири и прилегающих степях возникли Тюменское и Сибирское ханства, которые в политическом плане наследовали друг другу. В структуре и функциях правящей элиты эти ханства имели много общего с другими татарскими государствами того времени в рамках постордынского пространства. В состав элиты входили как светские, так и мусульманские представители. Золотоордынское наследие прослеживается в функциях беклярибеков, сеидов и абызов, аталыков и кукельташей, в функционировании курултая и дивана, а также в наличии писцов-битикчи при ставке хана. Уникальная особенность этих ханств заключается в длительном сохранении престолонаследия только в одной из ветвей Шибанидов, происходившей от правителя 1420-х гг. Хаджи-Мухаммада. Источники дают основание для выявления института соправления братьев или отца и сыновей, которые в одно время занимали ханский престол. В истории сибирской государственности наблюдается постепенный рост зависимости ханов от аристократии, позиции которой укреплялись через курултай и совет карачибек. При этом совет мог состоять не только из лидеров четырех основных племен, как это было в иных постордынских государствах. Тюменские и сибирские ханы предпочитали делегировать полномочия своим ближайшим родственникам как по крови, так и в рамках брачных отношений с представителями мангытов, кыйатов, буркутов и мусульманского духовенства. Определенную роль играли и служилые аристократы (князья-беки, мурзы, бахадуры), которые руководили ханской ставкой, отдельными юртами и военными отрядами, выполняли дипломатические и налоговые функции.

Ключевые слова: Тюменское ханство, Сибирское ханство, постордынское время, властная элита.

Тюменское и Сибирское ханства как два наследующих друг другу государства на юге Западной Сибири¹, где правила с 1468 по 1608 г. одна из ветвей династии Шибанидов (потомков Шибана б. Джучи б. Чингизхан), являются частью постордынского мира евразийских степей. Их становление напрямую связано с периодом существования так называемого «Государства кочевых узбеков» Абу-л-Хайра (1430–1468 гг.), создание которого началось именно на юге Западной Сибири, а первой оседлой столицей была Чимги-Туре (Тюмень)². В данный момент специфика источниковой базы не позволяет успешно реконструировать внутреннюю политику правителей этих государств, а также особенности системы управления, в том числе распределения функций среди представителей местной властной элиты. Отдельные аспекты данного вопроса рассмотрены в работах Д.М.Исхакова [Исхаков, 2006, с.143–158; 2011б, с.52–58].

В предлагаемой статье мы исходим из нескольких базовых предпосылок. Во-первых, Тюменское и Сибирское ханства должны были наследовать монгольские и золотоордынские политические традиции. Во-вторых, следует согласиться с В.В.Трепавловым в том, что «в "постордынском" мире, в условиях угасания инерции государственного потенциала Золотой Орды, происходила реанимация архаичных учреждений» [Трепавлов, 2010, с.33]. В-третьих, на протяжении всего существования Тюменского и Сибирского ханств действовали схожие органы государственного управления.

На первом месте в системе управления стояли ханы из династии Шибанидов. В борьбе между ними за власть в 1420-х гг. участвовал хан Хаджи-Мухаммад б. Али б. Бек-Конди-оглан, чьи потомки и будут править в Тюмени и Сибири. В 1430 г. один из Шибанидов, Абу-л-Хайр, был избран кочевой знатью ханом на курултае, а спустя год в качестве тронного места он выбрал Чимги-Туру. Сыновья Хаджи-Мухаммада признавали этого хана в качестве Хан-и Бузург, что может являться калькой тюркского Улуг хан (Великий / Старший хан) (МИКХ, 1969, с.95). Лишь после его поражения от калмыков в 1457 г. иные ветви Шибанидов стали проявлять сепаратизм. В дан-

ный момент не ясно, насколько долго могло сохраниться самое политическое явление «Великого хана» среди Шибанидов, в том числе Западной Сибири. Симптоматично то, что основной противник потомков Абу-л-Хайра и убийца его сына Шайх-Хайдара Ибрахим б. Махмудек б. Хаджи-Мухаммад и его брат Мамук в источниках по очереди именовались «шибанскими царями» (ПСРЛ, 1982, с.95; 1901, с.242–243; Таварих..., 1969, с. 20). Это могло отражать их претензии на власть над всеми шибанидскими владениями, при этом в конце 1460-х–1490-х гг. они были наиболее активны среди представителей династии. В Бухарском и Хивинском ханствах в первой половине XVI в. сохранялась традиция соправления потомков Абу-л-Хайра, один из которых признавался в качестве «старшего» или «великого». Однако надо быть осторожнее, например, с попытками распространить власть бухарского правителя Абдаллаха II на территорию Западной Сибири, в том числе в качестве сюзерена Кучума [Трепавлов, 2012, с.45].

В конце правления Абу-л-Хайра престол в Чимги-Туре стал передаваться по одной линии потомков Хаджи-Мухаммада: его сыновья Сайидек и Махмудек, затем дети Махмудека Ибрахим (с 1468 г.), Мамук и Агалак. Около 1505 г. в ходе внутреннего конфликта с последним престол перешел к Кутлуку б. Ибрахиму, а после него – к его брату Муртазе (Мусеке). С 1563 г. на престоле, но уже в Искере, по очереди были сыновья Муртазы Ахмад-Гирей и Кучум, позднее – потомки последнего хана, которых принято называть Кучумовичами. При этом братья-ханы (Сайидек и Махмудек, Ибрахим и Мамук, Ахмад-Гирей и Кучум) могли рассматриваться как соправители на тюменском и сибирском престолах соответственно. Наличие института соправления свидетельствует о реставрации политических традиции предшествующего времени [Трепавлов, 1992, р.249–278]. В целом же на протяжении чуть более 150 лет в рассматриваемых государствах на юге Западной Сибири правила одна линия династии Шибанидов. В период существования постордынских государств аналогичная ситуация фиксируется только в Крымском ханстве Гиреев.

Традиционно в полномочия хана входили 1) распоряжение всеми землями государства; 2) объявление войны и заключение мира; 3) переговоры с иностранными государями (нарушение именно этого принципа сибирскими беками Тайбугидами привело к соответствующим санкциям и их отстранению от власти); 4) суд над всеми подданными; 5) издание законов и распоряжений [Султанов, 2006, с.74; Почекаев, 2009, с.92]. Наиболее часто фиксируется участие всех тюменских и сибирских ханов в руководстве войсками и ведение переговоров с иностранными государями. Во втором случае главную роль играли переговоры с лидерами Московского государства и Ногайской Орды, основы которых во многом заложил тюменский хан Ибрахим. Для Кучума, видимо, важна была также переписка с бухарским ханом Абдаллахом II. Остальные полномочия хана гораздо в меньшей степени представлены в сохранившихся источниках и могут быть реконструированы лишь по аналогии с полномочиями других постордынских государей, хотя отрицать четвертое и пятое полномочия, по всей видимости, нет оснований.

Особенно сложен вопрос о контроле хана над землями. Уже анализ состава племенных лидеров из окружения Абу-л-Хайра показывает, что увеличение их роли приводило к преобладанию именно племенного или кланового владения землями при весьма формальной роли ханов за пределами ханского домена. Эта ситуация должна была сохраняться и в дальнейшем. Ханы Ибрахим и Кучум пытались изменить ее. Ибак вступил в конфликт с лидерами племен табын (связанного с кланами тюмен и уйшун) и буркут. Оба племени играли большую роль в западносибирской истории, что, видимо, и вызвало стремление ограничить их властные полномочия в условиях усиления ханской власти. Однако в первом случае лидеры табын вместе со своими улусами просто откочевали в Приуралье. Второй случай гораздо более сложен, поскольку один из лидеров буркутов, князь Мар из династии Тайбугидов, был женат на сестре Ибрахима. Позднее Ибак убил Мара, а затем сам был убит его внуком Маметом.

Согласно традиционной историографии после этого в середине 1490-х гг. Тайбугиды ушли из Чимги-Туры и основали свое княжество в Искере. Однако в последнее время все чаще возникают возражения против этой версии событий, а Тайбугидов предлагается рассматривать как сибирских беклярибеков (в историческом плане все эти сюжеты подробно рассмотрены [Маслюженко, 2008, с.91–118]). Этим объясняется как отсутствие мести им со стороны братьев Ибрахима, так и признание его сына Кутлука «сибирский царь» (Вычегодско-Вымская..., 1958, с.264). Данное указание означает, что на начало XVI в. именно он был сюзереном «Сибирской земли», где от его име-

ни правила сибирские князья Тайбугиды, сохранившие свое положение. Все это говорит об отсутствии у ханов реального инструмента влияния на элиту.

По всей видимости, пытался изменить территориально- административную систему Сибирского ханства в 1570-е гг. внук Ибака Кучум [Матвеев, Татауров, 2012, с.126–136]. На разных землях его ханства она значительно варьировалась. Примеры с ногайскими мирзами Чином и Али свидетельствуют о возможности хана назначать управленцев, в частности, Али владел еще в 1590-х гг. семью волостями по Иртышу [Миллер, 1999, с.362]. По всей видимости, определенные земли были и под контролем кровных родственников хана, в частности, его брата Илитеня и племянника Мухаммад-Кула [Бахрушин, 1955, с.155]. Исходя из значительного территориального расширения ханства Кучума за счет западносибирских земель возникает вопрос о том, получили ли ханские союзники и родственники в управление именно присоединенные земли на периферии государства или же внутренние территории. В ханствах должен был быть и царский домен, где происходила перекочевка Орда-Базара, т.е. кочевой ставки, являвшейся основным политическим центром Шибанидов. При этом значительную часть времени тюменские и сибирские правители проводили в степях Северного и Западного Казахстана, а также в Приаралье и присырдарьинском регионе, что осложняет решение поставленного вопроса [Маслюженко, Татауров, 2015, с.135–144].

Принципы получения власти ханами не всегда четко представлены в имеющихся источниках, хотя после Ибрахима престол будут занимать лишь его родственники: вначале из числа братьев (примерно в 1495–1505 гг.), а потом только из сыновей и внуков, причем, за исключением Кутлука в 1505–1510-х гг., это будут только потомки Муртазы б. Ибака. Скорее всего, ханы приходили к власти не только на основании принадлежности к «золотому роду» Чингизидов, как обладатели соответствующей харизмы, но и при поддержке большого числа представителей кочевой аристократии, влияние которой в XV–XVI вв. постоянно росло. Это хорошо заметно по праздникам и церемониям при дворе Абу-л-Хайра, вписанным в курултай и ориентированным именно на элиту общества [Маслюженко, 2014, с.121–138]. С другой стороны, именно эта поддержка провоцировала ханов на частые и желательные победоносные войны с соседями, без которых невозможно было обеспечить стабильность власти [Трепавлов, 2010, с.28].

Обратим внимание на то, что такой орган, как курултай, часто встречается в ходе знакомства с историей правления Абу-л-Хайра, но затем в источниках практически не упоминается. Однако в 1555–1563 гг. князь Едигер начал дипломатические переговоры с Москвой, согласовав это со «всей Сибирской землей» (ПСРЛ, 1904, с.248), позднее он, видимо, фиксируется в образе «сибирских людей», которые пригласили на правление царевича из Шибанидов (ПСРЛ, 1906, с.370), которым был Ахмад-Гирей б. Муртаза. Вероятно, в экстренных случаях собирался совет аристократии разного уровня, который по своим функциям был схож с курултаем более раннего времени. С ним были согласованы и переговоры Кучума с Иваном IV в конце 1560-х – начале 1570-х гг. (СГГД, 1819, с.64). Таким образом, участники курултая не только влияли на избрание хана, но и участвовали в выработке внешнеполитической, в том числе военной, концепции. Реставрация этого архаичного института свидетельствует об увеличении зависимости ханов от племенной аристократии.

При хане находились его многочисленные родственники, которые, по мнению Р.Ю. Почекаева, вместе с гургенами (ханскими зятьями из числа представителей светской и религиозной верхушки) в Улусе Джучи составляли своеобразный семейный совет [Почекаев, 2009, с. 98]. В сибирских условиях они кочевали вместе с ханской ставкой, что подтверждается данными о плененных и убитых родственниках Кучума после его разгрома в 1598 г. (АИ, 18416, с.3–6). Как правило, часть их играла большую роль в военных делах, как представляя свои отряды, что хорошо видно по деятельности Абу-л-Хайра, так и участвуя в управлении войском и государством. О роли в управлении армейскими структурами можно судить по деятельности Бахтийара при Абу-л-Хайре, Мамука при Ибаке, Маметкула и позднее Али при Кучуме, а также, возможно, Ахмад-Гирея при Муртазе. Трудно сказать, могли ли они рассматриваться как официальные наследники, хотя ими стали Мамук, Ахмад-Гирей и Али. Стремление передоверить управление войсками именно своему родственнику может быть объяснено желанием дистанцироваться от племенной аристократии хотя бы в этой области.

Важнейшей фигурой в управлении ханством традиционно был беклярибек, который представлял одно из крупнейших племен и мог входить в состав совета карачи-беков. В период Золотой Орды беклярибек был не только верховным главнокомандующим [Почекаев, 2009, с.99], но и свое-

образным «премьер-министром». В рассматриваемых нами ханствах военная функция беклярибека не всегда очевидна, поскольку часто ее выполняли ханские родственники и будущие наследники.

По мнению В.В. Трепавлова, согласно традиции в качестве беклярибеков таковых при Шибанидах чаще всего выступали представители мангытов. При Хаджи-Мухаммаде им был Мансур б. Едигей, а при Абу-л-Хайре этот пост занимал Ваккас б. Нур ад-Дин б. Эдигей [Трепавлов, 2002, с.91–92]. Они могли не принимать прямого участия в управлении Тюменским или Сибирским ханством. Мангытские бии в большей степени были заинтересованы в этом титуле для повышения политического статуса своего и представляемой ими Ногайской Орды. Они заметны лишь в тех случаях, когда организовывались военные походы против соседей. Возможно, по этой причине их реальная роль в структуре управления была невелика, что требовало некоторого перераспределения их функций.

Анализ перечней сподвижников Абу-л-Хайра показывает, что Ваккас упоминается в них всего три раза. Впервые он указан при избрании хана, а на первое место выходит лишь в походах на Сыгнак и ханов Махмуда и Ахмада, т.е. Ваккас был беклярибеком лишь между 1446 и 1450 гг. Столько же раз, как он, но на первых местах в этих списках встречаются представители буркутов (Умар-бий и Адад-бек), которые уступили хану Чимги-туру, ставшую местом его престола. Однако чаще всего (четыре раза) почетное первое место занимает Бузанджар-бий кыйат, уступая главенство лишь два раза буркутам и два раза Ваккасу. При этом Бузанджар участвует во всех мероприятиях хана. В тех случаях, когда в перечне его оттесняют с первого места, он трижды упоминается на втором месте и один раз – на третьем (после мангытов и буркутов). Возможно, что за долгое правление Абу-л-Хайра беклярибек неоднократно сменялся, однако выбор из омаков был сравнительно ограничен (мангыты, буркуты, кыйаты) [Маслюженко, 2015б, с.44–60].

Ибрахиму, видимо, удавалось некоторое время дистанцироваться от могущественных лидеров Ногайской Орды. Хотя в письме крымского хана Менгли-Гирея к королю Казимиру IV о событиях 1481 г. с титулом князя (т.е. беклярибека), вероятно, назван брат Ваккаса Аббас, который до 1491 г. руководил Ногаями (Сборник..., 1866, с.29) [Трепавлов, 2002, с.117]. В какой-то период до этого беклярибеком мог быть и представитель буркутов Умар (Мар). На эту же должность во время пребывания в Тюмени после 1491 г. мог претендовать и казанский князь князей Алгазый из Ширинов. Однако вскоре после смерти Аббаса ногайским бием стал Муса б. Ваккас, которого признал беклярибеком Ибрахим [Трепавлов, 2002, с.118]. В походах на Казань Мамука в 1496 г. и Агалака в 1498 г. участвовал также князь казанских князей Урак (ПСРЛ, 1901, с.249–250).

Выделить беклярибеков в XVI в. гораздо сложнее, поскольку могла неоднократно происходить смена их. В первой половине XVI в. до размолвки с Шибанидами беклярибеками вновь были буркутские князья из Тайбугидов [Исхаков, 2008, с.152]. Вопрос о том, кто занимал эту должность при Кучуме, однозначно не решен. По мнению В.В. Трепавлова, это мог быть племянник хана Мамет-Кул [Трепавлов, 2012, с.134]. Д.М. Исхаков предполагает, что это был известный из Ремезовской летописи «Большой князь Бегиш», вместе с которым в бою против Ермака участвовали «карачинцы» (Сибирские летописи, 1907, с.341) [Исхаков, Измайлов, 2007, с.271]. Однако при Кучуме был известен и Карача, который оказал сопротивление Ермаку на Тоболе, а затем дважды пытался отбить Искер у казаков. Принято считать, что беклярибеком был джалаир Кадыр-Али бек, но, по мнению А.В.Белякова, этим карачей, скорее, был Мамет (Мухаммед) [Беляков, 2014, с.63]. Последним беклярибеком был вновь представитель Ногайской Орды Али б. Ураз-Мухаммад при своем тезке хане Али б. Кучуме [Трепавлов, 2012, с.134].

«Князь князей» мог руководить советом карачи-беков, вторым по значимости после семейного в системе управления. Его состав на протяжении всей истории сибирско-татарской государственности и вопросы наследования, связанные с предшествующей золотоордынской в целом и шибанидской в частности традицией, подробно рассмотрены Д.М. Исхаковым [Исхаков, 2011б, с.52–58]. Именно в существовании этого совета автор видит один из явных механизмов наследования ордынской политической традиции, характерный для всех государств-наследников Улуса Джучи. В то же время большая часть имеющейся по этому вопросу информации строится на косвенных указаниях о племенах из ближайшего окружения ханов Шибанидов [Маслюженко, 2015б, с.44–60]. Непосредственное указание на существование совета карачи-беков относится лишь к Узбекскому ханству после смерти Абу-л-Хайра, т.е. скорее всего совет существовал и при его жизни (МИКХ, 1969, с.19). Тем не менее из этого указания не следует, что совет состоял из представите-

лей четырех племен, как в Золотой Орде и Крымском ханстве [Трепавлов, 2012, с.31–32]. Увеличение роли племен и их лидеров в условиях дезинтеграции постордынского политического пространства могло привести в совет большее число людей.

Списки соратников позволяют выявить в окружении Абу-л-Хайра руководителей дивана (канцелярии), которые назначались ханом. В начале правления таким руководителем был Ички-Йабагу-диван уйгур, который участвовал в выборах хана, хотя в описании событий 1440-х гг. он упоминается уже без элемента «диван». Скорее всего, новым руководителем дивана стал Даулат-Ходжа-диван кушчи, что также подчеркивало значение этого клана в составе нового государства. Причем по другим источникам известно, что он был еще кукельташем молодого хана (МИКХ, 1969, с.98). Однако при описании деятельности иных тюменских и сибирских правителей этот орган управления не упоминается. Лишь при Кучуме один из карача-беков указан как «думный», что, по мнению исследователей, может свидетельствовать о существовании дивана [Исхаков, Измайлов, 2007, с.271]. Возможно, этот орган был восстановлен под влиянием бухарских традиций, с которыми в середине XVI в. была связана сибирская правящая семья.

При диване должны были состоять и чиновники низшего статуса, в частности, отвечавшие за оформление документов. Так, во время переговоров с уфимским воеводой Михаилом Нагим в 1600–1601 гг. ему были присланы ярлыки Али и Азима, а находившийся в Уфе Ишим посылал к братьям «ярлык татарским письмом... за своим знаменем (тамгой? – Д.М.)» [Миллер, 2000, с.195]. Оформление этих документов предполагало должность при ставках царевичей писца-битикчи [Абзалов, 2013, с.156], а также, возможно, толмача, который мог перевести грамоты, присылаемые русскими администраторами. Если эти должности лица сохранялись в начале XVII в., то резонно предположить, что они были и при ставках Ибрахима и Кучума, которые вели гораздо более обширную переписку.

К высшему управлению мог также относиться так называемый «базарский князь». Под таким титулом в 1489 г. указан Чюмгур, который возглавлял посольство хана Ибрахима в Москву (Посольские..., 1995, с.19). По всей видимости, этот человек руководил уведенным в Тюмень ордабазаром хана Большой Орды Ахмада. Подобная функция должна была сохраниться и в дальнейшем с учетом образа жизни в условиях перекочевки ханской ставки.

Внешнеполитические функции послов могли выполнять и иные люди. Так, послом царевича Ак-Курта в Москву в 1507 г. был князь Телевлю из кыйатов (Посольские..., 1995, с.54). Послами могли быть и простые служилые татары, при этом было бы интересно проанализировать соотношение важности миссии, статуса посла и принимающей стороны.

Важную экономическую роль играли даруги, т.е. ханские наместники и сборщики налогов. Они известны нам по заголовку «Рассказ о пожаловании должности даруг Чимги-Туры» в историческом сочинении Кухистани, где ими были четыре человека из числа тарханов, дурменов и найманов [Мустакимов, 2011, с.233].

При ставке хана также находились беки, мурзы и бахадуры, которые входили и в военный отряд. Например, 4 сентября 1598 г. при разгроме хана Кучума погибли шесть беков и десять мирз (АИ, 1841б, с. 3–5). Их функционал при этом не нашел своего отражения в источниках. При ставке же должны были быть кукельташи и аталыки, т.е. дядьки-воспитатели ханских сыновей. Так, уйгур Бай-Шайх-кукельташ был аталыком (воспитателем) наследника Абу-л-Хайра Шах-Будаг-султана, а затем ему было поручено воспитание детей султана, в том числе будущего хана Мухаммада Шейбани (МИКХ, 1969, с. 97). Должность аталыка также была доверена ханом Хаким-Шайх-бахадуром из кушчи. Аталыки известны и при хане Кучуме, когда в битве на Оби погибли пять аталыков (АИ, 1841б, с. 3–5). В 1600–1601 г. в окружении Кучумовичей, в частности Азима, был известен его аталык Козембердей [Миллер, 2000, с.195], который в том числе собирал подати и подарки.

Помимо них выделяется категория служилой знати, которая могла обозначаться скорее всего понятием «ички». Это были находившиеся при хане доверенные лица, имевшие право входить к нему и руководившие жизнью ставки и двора (МИКХ, 1969, с.493). Число служилых татар было небольшим. Так, у правителя Тюменского ханства хана Ибрагима (Ибака) во время похода 1481 г. против Большой Орды насчитывалась только 1 тыс. собственных казаков (ПСРЛ, 1982, с.95). Служилые татары Ташкин, Таймас, Аиса выполняли функции послов и гонцов в ходе переговоров Муртазы и его сыновей Ахмад-Гирея и Кучума с Москвой (ПДРВ, 1801, с.22; АИ, 1841а, с.340), а послом сибирского князя Едигера в Москву в 1563 г. был татарин Чибичень или Чигибень (ПДРВ,

1795, с.303). Кроме военных и дипломатических функций они могли выполнять функции сбора налогов и управления юртами.

Вопросы местного управления и административного деления Тюменского и Сибирского ханств были одними из самых сложных. В основе административного деления могли лежать как принципы племенного деления, согласно которым за каждым клановым лидером закреплялись юрт с выделенными зимовками и летовками, так и наделение юртами и улусами приближенных и родственников хана. Отчасти могло сохраняться деление по десятичному принципу. Данная система могла варьироваться на протяжении двух столетий существования Тюменского и Сибирского ханств. Ее наследие должно было сохраняться в волостном делении сибирских уездов Московского государства в конце XVI–XVII в. Так, в наказе князю Андрею Елецкому среди руководителей волостей по Иртышу, которые в 1593–1594 гг. платили ясак как Кучуму, так и русскому государю, указаны и князья, и лучшие люди, и ясаулы [Миллер, 1999, с.352].

Исламизация Тюменского и Сибирского ханств привела в состав элиты представителей этой религии. Высшими духовными лицами в тюрко-татарских государствах были сейиды. При хане постоянно находились представители суфийских орденов, в частности, при Абу-л-Хайре Кул-Мухаммад-сейиде и Кара-сейиде, которые в том числе принимали участия в курултаях (МИКХ, 1969, с.121-134). Последнее было признаком инкорпорации мусульманских институтов в систему власти [Почекаев, 2016, с.120]. При этом эти сейиды также руководили отрядами во время военных действий, т.е. могли быть накибами [DeWeese, 1995, p.619–620]. Известны имена двух верховных сейидов в Сибирском ханстве – это Ярым и его племянник Дин-Али [Исхаков, 2011а, с. 170–171]. Кроме них при Кучуме в 1598 г. был сейид Тул-Мухаммад (АИ, 1841б, с.7), а в 1607 г. от Азима б. Кучума бежал находившийся при нем некий Сеит [Миллер, 2000, с.240]. Сейиды из Центральной Азии сопровождали шейхов (например, Ширбети в 1570-х гг.). Кроме них в Сибирском ханстве присутствовали муллы, ходжи, абызы (хафизы), муфтии и мударрисы [Исхаков, Измайлов, 2007, с. 271].

Традиционно на сейидов и абызов возлагались обязанности по отправлению исламских обрядов, но они имели значительное влияние на жизнь ставки в целом. Так, в 1601 г. царевич Хаджим отправил к башкирам собирать «одежи и кормы» хафиза Алибая [Трепавлов, 2012, с. 133]. Будучи признанными авторитетами, они выполняли и дипломатические функции (например, письма от Кучума Абдаллаху и обратно перевозили сейид Дин Али и абыз Игибердей; переговоры в Тюмени от царевичей Хаджима и Каная вел хафиз Менглибай) (РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г.1. Л. 6; РГАДА. Ф. 109. Оп. 2. 1595 г. Д. 2. Л.1) [Трепавлов, 2012, с. 133]. Эта роль сейидов и абызов в международной деятельности говорит о значимости суфийских орденов в государствах Шибанидов этого времени [Маслюженко, 2015а, с.5–9] и отражает еще один момент ордынского политического наследия [Почекаев, 2016, с.120]. А.В. Беляков пишет, что «отмечены абызы и при "казакующих" сибирских царевичах в середине XVII в. ... о них говорится... как о лицах, которые способны прочесть царскую грамоту, посланную из Москвы в калмыцкие улусы» [Беляков, 2015, с.40]. Племенная или территориальная принадлежность этих людей почти никогда не фиксируется в документах, хотя известно, что при Канае б. Кучуме посланный с дипломатической миссией в Москву абыз Безелек был из Чатов [Миллер, 2000, с.196].

Таким образом, Тюменское и Сибирское ханства по составу и функциям властной элиты, включавшей в себя светскую и мусульманскую верхушки, во многом были схожи с другими татарскими государствами XV–XVI вв. Особенно это заметно в функциях сейидов и абызов, аталыков и кукельташей, сохранении традиций документооборота, в том числе через диван и находившихся при ставках писцов-битикчи. К уникальным чертам относится в значительной степени передача в этих ханства власти в рамках одной семьи Шибанидов, родственных тюменскому хану Ибрахиму, чей дед Хаджи-Мухаммад был одним из претендентов на власть на рассматриваемой территории еще в начале 1420-х гг. Не менее важной была, на наш взгляд, усиливающаяся зависимость ханов от племенной аристократии, которая оказывала влияние на политику государств через курултай и расширенный состав совета карачи-беков. Последний, скорее всего, не был ограничен лишь лидерами четырех ведущих племен. Хотя нам ясен состав и происхождение беклярибеков Тюменского и Сибирского ханств, но не всегда понятен их функционал внутри государства, с учетом того, что занимавшие этот пост Эдигеевичи чаще находились на территории соседней Ногайской Орды. Возможно, в этом случае они ограничивались лишь участием в совместных военных

походах. Однако беклярибеки из кыйатов, буркутов или иных местных тюркских племен могли иметь полномочия и в иных сферах, что особенно заметно по политике Тайбугидов в Искере в первой половине XVI в.

Примечания

¹ С точки зрения единства территории и правящей на протяжении XV–начала XVII в. династии было бы логично считать рассматриваемое политическое объединение не как два наследующих друг другу ханств, как это принято в историографии, а как одно – Тюменское и Сибирское ханство, состоявшее из двух главных «владений». По всей видимости, вопрос названия и связанной с ним хронологии требует отдельного рассмотрения.

² Автор благодарит за консультации при написании статьи кандидата юридических наук, доцента Р.Ю.Почекаева (НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург).

Список источников

- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). Т.1. 1334–1598 гг. СПб., 1841а. 596 с.; Т. 2: 1598–1613. СПб., 1841б. 472 с.
- Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып.4. С.241–270.
- Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) (МИКХ). Алма-Ата: Наука, 1969. 652 с.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901. 266 с.; Т.13: Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1904. 303 с.; Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб., 1906. 234 с.; Т.37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 235 с.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995. 356 с.
- Продолжение древней российской вивлиофики (ПДРВ). Ч. 10. СПб., 1795. 327 с.; Ч.11. СПб., 1801. 315 с.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 131. Татарские дела; Ф. 109. Сношения России с Бухарой.
- Сборник Муханова (Документы по русской истории). 2-е изд., доп. СПб., 1866. 799 с.
- Сибирские летописи / Изд. Имп. Археогр. комиссии. СПб., 1907. 462 с.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГД). М., 1819. Ч. 2. 643 с.
- Таварих- и гузида Нусрат-наме. Ташкент: Фан, 1967. 135 с.

Библиографический список

- Абзалов Л.Ф. Ордынская канцелярия. Казань: Татарское книж. изд-во, 2013. 333 с.
- Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Науч. труды. Т.3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч.2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С.153–175.
- Беляков А.В. Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Матер. II Всерос. науч. конф. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С.63–64.
- Беляков А.В. Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. № 7. С.40–45.
- Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства: Очерки. Казань, 2006. 196 с.
- Исхаков Д.М. Институт «Сибирских князей»: генезис, клановые основы и место в социально-политической структуре Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: Матер. XI Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 2008. С. 219–222.
- Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и в позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011а. 228 с.
- Исхаков Д.М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-

- татарских государств Западной Сибири: Матер. междунар. конф. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011б. С. 52–58.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI в.). Казань: Школа, 2007. 356 с.
- Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. 168 с.
- Маслюженко Д.Н. Тюрко-монгольские традиции в «государстве кочевых узбеков» хана Абу-л-Хайра // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3 (5). С.121–138.
- Маслюженко Д.Н.* Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского государственного университета. История. 2015а. № 2 (34). С.5–9.
- Маслюженко Д.Н.* Поименные списки соратников Абу-л-Хайра как источник по изучению политической истории Юго-Западной Сибири второй четверти XV в. // Сибирский сборник. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015б. Вып.3. С.44–60.
- Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф.* Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С.135–144.
- Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: ФЭН, 2012. 260 с.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1999. Т.1. 630 с.; 2000. Т.2. 796 с.
- Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост.лит-ра, 2011. С. 228–248.
- Почкаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань: ФЭН, 2009. 260 с.
- Почкаев Р.Ю.* Инкорпорация мусульманских институтов во властную структуру Золотой Орды и постордынских государств // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С.115–127.
- Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды: Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.
- Трепавлов В.В.* Соправительство в Монгольской империи (XIII в.) // Archivum Eurasiae Medii aevi. Т.7 (1987–1991). Wiesbaden, 1992. P.249–278.
- Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2002. 752 с.
- Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли: Очерк истории. Тула: «Гриф и К», 2010. 112 с.
- Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост.лит., 2012. 231 с.
- De Weese D.* The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia // Journal of the American Oriental Society. 1995. 115. 4. P.612–634.

Дата поступления рукописи в редакцию 10.08.2016

POWER ELITE OF THE TYUMEN AND SIBIR KHANATES: ITS STRUCTURE AND FUNCTIONS

D. N. Maslyuzhenko

Kurgan State University, Sovetskaya st., 63, 640020, Kurgan, Russia
denmas13@yandex.ru

The structure and functions of the ruling elite of the Tyumen and Sibir Khanates, which included both secular and Muslim upper-class representatives, had much in common with other Tatar states of XV-XVI centuries. This is especially noticeable in the functions of sayyids and abyzs, atalyks and kukeltashs, in preserving the traditions of document circulation through the divan chancery and through clerks-bitikchi from the Khan residence. A unique characteristic of those Khanates was the transfer of the throne within the Shibaniids' family affined with the most well-known Tyumen Khan Ibrahim. The Khans' gradual growth of dependence on aristocracy was equally important. Aristocracy positions became more entrenched through kurultais and the Qaraci's-begs council. The council might include not only the leaders of the four major tribes as it was customary in other post-Horde states. Unlike their functions, the origin of Tyumen and Sibir military commanders (beklyaribeks) could be reconstructed, as Mangyt bey Edigey's descendants often held those positions, though they often visited the neighboring territory of the Nogai Horde. We may suppose, in this case, that their activities were limited to joining military campaigns. But, first of all, the Tyumen and Sibir Khans tended to delegate authority to the next of blood. Those were not only the Nogais; they

were the military commanders from Kiyat, Burkut and other local tribes related to the Khans by marriage. Herewith, the Khans might change their beklyaribeks many times. Service class aristocrats also played certain roles as elite representatives, e.g. princes, who lived at the Khan's residence. Mirzas and bahadurs were not only the military officers but also diplomats, and they were also responsible for tax collection and managing yurts.

Key words: Tyumen Khanate, Sibir Khanate, post-Horde era, power elite.

References

- Abzalov, L.F. (2013), *Ordynskaya kantseljariya* [The Horde Chancellery], Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kazan', Russia, 333 p.
- Akty istoricheskie sobrannye i izdannye arkhograficheskoy komissiyu* (1841a) [The historical acts collected and published by the Archeographic Commission], vol.1: 1334-1598, Saint-Petersburg, Russia, 596 p.
- Akty istoricheskie sobrannye i izdannye arkhograficheskoy komissiyu* (1841b) [The historical acts collected and published by the Archeographic Commission], vol.2., Saint-Petersburg, Russia, 482 p.
- Bahrushin, S.V. (1955), "Siberian Tatars in the XVII century", in *Nauchnye trudy. T.III. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI-XVII vv. CH. 2. Istoriya narodov Sibiri v XVI-XVII vv.* [The scientific works. T. III. Selected works on the history of Siberia of the XVI-XVII centuries. P.2. The history of the peoples of Siberia in XVI-XVII centuries], Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, Russia, pp.153-175.
- Belyakov, A.V. (2014), "What was the name of the large Siberian Karachi?", in *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economics and culture of a medieval Turko-Tatar States in Western Siberia], Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, Kurgan, Russia, pp.63-64.
- Beljakov, A.V. (2015), "Abyz (Hafiz) in the Moscow state XVI–XVII centuries", in *Srednevekove tyurko-tatarskie gosudarstva* [The medieval Turkic-Tatar States], № 7, Kazan', Russia, pp.40-45.
- Ishakov, D.M. (2006), *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo hanstva. Ocherki* [An introduction to the history of the Siberian khanate. Essays], Kazan', Russia, 196 p.
- Ishakov, D.M. (2008), "Institute of "Siberian riches": the Genesis, clan bases and place in the socio-political structure of the Siberian Yurt], in *Suleymanovskie chteniya* [Suleymanovskie readings], Tobol'sk, Russia, p. 219-222.
- Ishakov, D.M. (2011a), *Institut seyyidov v Uluse Dzhuchi i v pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstv* [Institute of Sayidov in the Ulus of Jochi and Late Golden Horde Turko-Tatar States], Fjen, Kazan', Russia, 228 p.
- Ishakov, D.M. (2011b), "Late Golden Horde statehood Turko-Tatars of the Siberian region: in search of the socio-political foundations", in *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economics and culture of a medieval Turko-Tatar States in Western Siberia], Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, Kurgan, Russia, p. 52-58.
- Ishakov, D.M., Izmaylov, I.L. (2007), *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethno-political history of the Tatars (III–middle of the XVI century)], Shkola, Kazan', Russia, 356 p.
- Maslyuzhenko, D.N. (2008), *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [Ethno-political history of the forest-steppe Tobol region in the middle ages], Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, Kurgan, Russia, 168 p.
- Maslyuzhenko, D.N. (2014), "Turko-Mongol Traditions in the "State of Nomadic Uzbeks" of Abu al-Khair Khan", *Zolotoordynskaya obozrenie*, no. 3(5), pp.121-138.
- Maslyuzhenko, D.N. (2015), "The activities of Sufi orders in the territory of Tyumen and the Siberian khanates", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, № 2 (34), pp. 5-9.
- Maslyuzhenko, D.N. (2015), "Lists of names of associates of the Khan Abu-I-Khair as a source for the study of political history of South-Western Siberia of the second quarter of XV century", in *Sibirskiy sbornik* [Siberian collection], iss.3, Kurgan, Russia, p. 44-60.
- Maslyuzhenko, D.N., Tataurov, S.F. (2015), "Isker as the mythologeme in a study of the Siberian khanate history", *Zolotoordynskoe obozrenie*, № 4, p. 135-144.
- Matveev, A.V., Tataurov, S.F. (2012), *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [Siberian khanate: a political and military aspects of history], Fjen, Kazan', Russia, 260 p.
- Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV-XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* (1969) [Materials on the history of the Kazakh khanate in the 15th-18th centuries (extract from the Persian and Turkic writings)], Alma-Ata, Russia, 652 p.
- Miller, G.F. (1999), *Istoriya Sibiri* [History Of Siberia], vol.I, Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, Moscow, Russia, 630 p.; vol. II, Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, Moscow, Russia, 796 p.
- Mustakimov, I.A. (2011), "Information "Tavarikh-I guzida – Nusrat-name" on some jochid possessions", in *Tyurkologicheskiy sbornik. 2009-2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekove* [Turkological collection. 2009-2010. The Turkic peoples of Eurasia in ancient and medieval times], Moscow, Russia, pp.228-248.

- Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.12. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* (1901) [Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 12. Chronicle collection, called Patriarchal or Nikon Chronicle], Saint-Petersburg, Russia, 266 s.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.13. Pervaya polovina. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* (1904) [Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 13. The First half. Chronicle collection, called Patriarchal or Nikon Chronicle], Saint-Petersburg, Russia, 303 s.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.13. Vtoraya polovina. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* (1906) [Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 13. The Second half. Chronicle collection, called Patriarchal or Nikon Chronicle], Saint-Petersburg, Russia, 234 s.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI—XVIII vv.* (1982) [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol.37. Ustyug and Vologda chronicles], Leningrad, Russia, 228 p.
- Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489-1549 gg.* (1995) [Embassy of the book on the relations of Russia with the Nogai Horde, 1489-1549], Makhachkala, Russia, 356 p.
- Pochekaev, R.Ju. (2009), *Pravo Zolotoy Ordyy* [The Law Of The Golden Horde], Fjen, Kazan', Russia, 260 p.
- Pochekaev, R.Ju. (2016), "The incorporation of Muslim institutions in the power structure of the Golden Horde and post-Horde states", *Zolotoordynskoe obozrenie*, № 1, p.115-127.
- Prodolzhenie drevney rossiyskoy vivliofiki* (1795) [The continuation of the ancient Russian vivliothika], vol.X, Saint-Petersburg, Russia, 327 p.
- Prodolzhenie drevney rossiyskoy vivliofiki* (1801) [The continuation of the ancient Russian vivliothika], vol.XI, Saint-Petersburg, Russia, 315 p.
- Sbornik Mukhanova (Dokumenty po russkoy istorii)* (1866) [Sbornik Mukhanova (Documents on Russian history)], Saint-Petersburg, Russia, 799 p.
- Sibirskie letopisi* (1907) [The Siberian chronicle], Saint-Petersburg, Russia, 463 p.
- Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khraryashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* (1819) [Collection of state charters and treaties, stored in the State Collegium of foreign Affairs], vol.2, Moscow, Russia, 643 p.
- Sultanov, T.I., (2006), *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Genghis Khan and Khan. The fate and the power], ACT, Moscow, Russia, 445 p.
- Tavarih-i guzida Nusrat-name (1967), Tashkent, Russia, 135 p.
- Trepavlov, V.V. (1992), "The joint reign in the Mongol Empire (XIII century)", in *Archivum Eurasiae Mediiævi*, vol.VII (1987-1991), Wiesbaden, Germany, p.249-278.
- Trepavlov, V.V. (2002), *Istoriya Nogayskoy Ordyy* [The History of The Nogai Horde], Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, Moscow, Russia, 752 p.
- Trepavlov, V.V. (2010). *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk istorii* [The Large Horde - Takht Eli. Sketch of the history], Grif i K, Tula, Russia, 112 p.
- Trepavlov, V.V. (2012), *Sibirskiy yurt posle Ermak: Kuchum i Kuchumovich v bor'be za revansh* [Siberian Yurt after Ermak.: Kuchum and Kuchumovici in the struggle for revenge], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, 231 p.
- "Vychehda-Vym chronicle" (1958), in *Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR* [Historical-philological collection of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences], vol.4, yktyvkar, Russia, pp. 241–270.
- DeWeese, D. (1995), The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia, *Journal of the American Oriental Society*, 115, 4, pp.612–634.